

БОЛЬШОЙ БАЛЕТ

СЕРЖ
ЛИФАРЬ

Дягилев
С ДЯГИЛЕВЫМ

ОГИЗ

Издательство АСТ
Москва 2018

УДК 792.8:929 Дягилев С.
ББК 85.335.42(2)6-8 Дягилев С.
Л64

Исключительные права на публикацию книги на русском языке принадлежат ООО «Издательство АСТ». Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

В оформлении обложки использованы фотоматериалы,
предоставленные culture-images/Vostock Photo,
Lebrecht Music & Arts/Vostock Photo

Лифарь, С.

Л64 Дягилев. С Дягилевым / Серж Лифарь. — Москва :
Издательство АСТ, 2018. — 480 + [32 ил.] с. : ил. —
(*Большой балет*).

ISBN 978-5-17-109747-9

Сергей Лифарь, прославленный танцовщик, балетмейстер, премьер Парижской Оперы, много лет возглавлявший балетную труппу Гранд-опера, ближайший друг легендарного основателя Русского балета Сергея Дягилева, написал две книги воспоминаний о нем. Впервые книга Сержа Лифаря о Дягилеве была издана в Париже в 1939 году на русском языке в количестве 615 экземпляров и сразу стала библиографической редкостью. Эпоха «Мира искусства», первые Русские сезоны в Париже, принесшие мировую славу Русскому балету и, конечно, правдивые и полные откровений страницы мемуаров о Дягилеве, их личных и творческих взаимоотношениях.

«В моих мемуарах образ Дягилева остался живым и, как я смею думать, правдивым, но этот образ был слишком интимным: он был эскизом портрета *Сергея Павловича Дягилева*, а не *С. П. Дягилева*, великого человека, создателя новой художественной культуры, создателя новой эстетики, создателя «Мира искусства» и Русского балета.

Я так живо представил себе это, что наедине с самим собой, перед самим собой густо покраснел и сейчас же откинул для себя возможность этого. Нет, все, что угодно, только не это — я никогда не стану «фаворитом»! Но что же тогда делать? Я знал, что если буду продолжать встречаться с Дягилевым, то не смогу грубо и резко оттолкнуть его, не смогу ни в чем отказать ему, — хотя бы это было мое самоубийство...»

Серж Лифарь

**УДК 792.8:929 Дягилев С.
ББК 85.335.42(2)6-8 Дягилев С.**

Содержание

От автора 9

Книга 1. ДЯГИЛЕВ

Часть первая. Молодой Дягилев 13

«Предки» Дягилева 13

Детские и отроческие годы Дягилева 20

Перед «Миром искусства» 39

Часть вторая. Эпоха «Мира искусства» 64

«Мир искусства» 64

Выставки «Мира искусства» 110

В дирекции императорских театров 115

Последние годы «Мира искусства» и историко-художественная выставка русских портретов 124

Часть третья. Русский балет 147

От «Мира искусства» к Русскому балету 147

Первые Русские сезоны 193

Русский балет в 1912—1922 годы 231

Последний период Русского балета 278

Книга 2. С ДЯГИЛЕВЫМ

I 305

II 339

III 361

IV 414

МОЯ ЖИЗНЬ¹

<i>Глава первая.</i> 1905 год. В Киеве.....	453
<i>Глава вторая.</i> Смерть и любовь	459
<i>Глава третья.</i> Танец навсегда	467
Список редких изданий библиотеки С. П. Дягилева.....	477

¹ Печатаются первые три главы по изд.: Lifar Serge. Ma vie / пер. О. И. Розовой. Paris, 1965.

КНИГА 1
Дядишев

От автора

С трепетом и волнением печатаю я настоящую книгу — мой многолетний труд о Дягилеве. Писать эту книгу я начал почти тотчас же после смерти Дягилева под ее непосредственным, живым и сильным впечатлением: зная, как исчезает память о великих людях и как потом трудно восстановить ее, если окружавшие их друзья не оставили своих воспоминаний, я решил записать все, что помнил о своих встречах с Дягилевым, о своей дружбе с ним и о последних днях его жизни, свидетелем которых я был. Для того чтобы не пропустить всех, едва скользящих мелочей, которых отдельно не рассказать и без которых образ Дягилева получился бы какой-то сухой и неживой, для того чтобы не спугнуть этих живых мелочей, неотделимых от обстановки, я рассказывал свою жизнь 1923—1929 годов, поскольку она входила в соприкосновение с Дягилевым и его жизнью. Писать такие «мемуары» мне было легко — они сами писались, одно воспоминание вызывало в памяти другое: все это было недавнее, еще не отошедшее прошлое; к тому же у меня под рукой были мои дневники 1923—1929 годов, письма Сергея Павловича и его личный архив, — это значительно облегчало мое писание и предохраняло меня от неизбежных ошибок памяти. Затруднения и препятствия встретились, однако, на самых первых же порах, но препятствия совсем особого рода: и моя жизнь, и жизнь Дягилева сплеталась с жизнью других людей: мне не хотелось ни исказить, ни «приглаживать» правду, а писать и печатать все, что я видел, и все, что слышал, — на это я не имел морального права. Препятствия эти были настолько значительны, что я уже прервал свои мемуары. Вскоре, однако, я сно-

ва принялся за них: я отказался от мысли увидеть их в печати и принял решение опубликовать через пятьдесят лет.

После этого я мог писать обо всем свободно, мог не щадить ни себя, ни других, мог писать уже *всю правду* о Дягилеве, — я глубоко убежден в том, что в писаниях о великих людях, о людях, принадлежащих истории, не должно быть ничего, кроме правды, не должно быть никаких прикрас, никакой ретуши и никаких умолчаний. Все же я надеюсь, что когда-нибудь, может быть и не при моей жизни, мои мемуары будут напечатаны полностью.

В 1933 году мои мемуары в таком виде были закончены и запечатаны.

В моих мемуарах образ Дягилева остался живым и, как я смею думать, правдивым, но этот образ был слишком интимным: он был эскизом портрета *Сергея Павловича* Дягилева, а не *С. П. Дягилева*, великого человека, создателя новой художественной культуры, создателя новой эстетики, создателя «Мира искусства» и Русского балета.

Когда Дягилева спрашивали об его жизни, он отвечал: «Я лично ни для кого не интересен; интересна не моя жизнь, а мое дело». В моих мемуарах была жизнь Дягилева, но не было или почти не было его «дела». В то время, тотчас после смерти Дягилева, я не думал о писании такой книги, в которой давалась бы оценка или хотя бы обзор всего «дела Дягилева»: я прекрасно понимал свою неподготовленность к такой монографии, которая требовала от ее составителя совершенно исключительных знаний во всех областях искусства. Я все время ждал появления такой монографии о Дягилеве, которая восстанавливала бы всю его жизнь и объясняла его «дело», такой монографии, которая объясняла бы один из главных эпизодов жизни Дягилева — Русский балет как один из эпизодов на фоне всей его жизни и деятельности, посвященной пропаганде русского искусства — русской живописи, русской музыки и русского танца в Западной Европе — и реформе всего мирового сценического искусства.

Время шло, а такой монографии о Дягилеве не появлялось, и в 1934 году я решил приступить к ней, как ни мало был подготовлен к такой работе¹. Эта вторая книга должна была явиться дополнением к той дягилевской выставке, которую я решил отметить

¹ Уже в то время, как я писал свою книгу, начали появляться разрозненные воспоминания и материалы, которыми я частично и воспользовался. Не перечисляю всех трудов о Дягилеве, которыми я пользовался, так как каждый раз, когда я к ним прибегал, я их называл в тексте моей книги.

десятилетнюю годовщину со дня смерти С. П. Дягилева в 1939 году: выставка в Лувре должна была показать не все «дело» Дягилева, а только один его эпизод — Русский балет, — книга охватывала все дело и сохранялась в качестве постоянного памятника. Вторая книга поневоле получилась несколько сухой, и в ней рассказ, скупой рассказ о деятельности Дягилева стал преобладать над рассказом о его жизни. Иначе и не могло быть: так велико было дело Дягилева, что для того, чтобы давать его в подробностях, нужно было бы написать не один, а несколько томов.

Не мне судить о том, в какой мере мне удалось в моем кратком обзоре жизни и деятельности Дягилева передать его прозорливость, позволявшую ему угадывать в человеке художественный гений, гениальную сущность, его умение зажигать своим огнем, вызывать, поддерживать и развивать в художнике скрытое пламя. В моей книге мне хотелось показать, что Дягилев умел не только организовывать художественное творчество, соединять деятелей искусства, создававших неожиданное для них самих, но что и сам он был участником, сотрудником этого неожиданного творчества, участвовал в создании, и что *дягилевская печать* лежит на всех произведениях вызванных им к жизни и сплоченных им художников, создававших новую эпоху в искусстве, во всех его областях. Если мой читатель почувствует эту печать дягилевского творческого гения, — моя цель будет достигнута.

В моей второй книге Дягилев-деятель заслонил собою интимный образ Дягилева-человека, — мне пришлось снова вспомнить о первой книге — о моих мемуарах. Я не думал о слиянии двух книг — «Дягилев» и «С Дягилевым», — различные методы их писания не позволяли сливать их в одну книгу, но и соединение их в одном томе потребовало большой работы — переработки. Моя переработка заключалась не столько в приспособлении мемуаров к «цензурным» условиям, сколько в сокращениях: необходимо было, по возможности, изъять все, что касалось лично моей жизни и не имело непосредственного отношения к самому Дягилеву, необходимо было вычеркнуть страницы, касавшиеся лично других людей, необходимо было, чтобы два тома превратились в один, и, наконец, необходимо было частично перераспределить материал в зависимости от моих новых задач. В частности, я должен был многое сократить из того, что касалось ссор и расхождений Дягилева с друзьями. У Дягилева было много, очень много друзей — кто же не слышал об исключительном, единственном, покоряющем

дягилевском шарме! — но как много его друзей переходило в стан врагов! Этот переход происходил совсем не потому, что они разочаровывались в Дягилеве, — не разочарование, а чувство обиды заставляло их с горечью судить о Дягилеве.

Дягилев любил друзей и вообще людей и был верен друзьям, но единичные люди были для него только *эпизодами* в его творческой работе, *необходимыми* в один момент и *ненужными* в другие моменты, когда он прорывался к новым и недоступным этим людям берегам: в эти моменты прежние друзья становились ненужными ему, переставали для него существовать, и, не изменяя им, не предавая их, он просто забывал о них. Вот этой-то эпизодичности — кто же хочет быть только эпизодом в чужой жизни и работе? — Дягилеву и не могли простить его бывшие «друзья», и это чувство обиды явственно разлито в их писаниях. Не могли часто ревнивые друзья простить и того, что Дягилев всегда шел впереди них и никогда не следовал за ними...

Эту «эпизодичность» в жизни Дягилева вообще нужно принять: и люди, и отдельные куски его жизни и его творческой работы были для него всегда только эпизодами. Из людей не *эпизодами* были в начале жизни Дягилева его мачеха, Е. В. Панаева-Дягилева, во второй половине жизни — Мися Серт. Не эпизодична была творческая воля Дягилева: отдельные проявления ее, отдельные увлечения Дягилева были эпизодами, но вечное, постоянное горение, вечная страсть открывать и давать миру творческую красоту — не эпизод.

Серж Лифарь

Часть первая

МОЛОДОЙ ДЯГИЛЕВ

«Предки» Дягилева

Маска и лицо С. П. Дягилева

Н а фотографиях Сергея Павловича Дягилева — и еще более в живом, вечно изменчивом лице — поражает и необычность его лица, и совмещение самых различных, различно говорящих черт. Первое впечатление от этого лица — какая-то монументальность и несокрушимая крепость, что-то твердое и здоровое, что-то от Петра Великого; действительно, в чертах лица Дягилева около губ было отдаленно напоминающее богатыря-царя; этим сходством, своими «петровскими» усиками Дягилев гордился и утверждал, что в нем есть петровская кровь через его мать, рожденную Евреину¹.

Впечатление монументальности особенно усиливается громадной головой — такой громадной, что Дягилеву приходилось делать шляпы по особому заказу, и даже шляпы Salisbury и Gladstone оказывались для него тесны; но в этой громадной голове с белой прядью было что-то непропорциональное.

Когда смотришь на фотографию Дягилева, не можешь отделаться от впечатления, что в нем слились лицо и маска — сперва видишь маску, почти неподвижную, и только потом начинаешь различать лицо, проступающее сквозь маску, *через* маску. Маска Дягилева очень выразительна — так выразительна, что порой можно принять ее за самое лицо, — не принимал ли иногда и сам Дягилев свою маску за настоящее, за лицо? — Она выражает русского ленивого

¹ Бабка ее, Хитрово, была из рода знаменитых Румянцевых. По семейной хронике, у Румянцева — денщика Петра Великого — родился ребенок, очень похожий на великого царя.

барина, слегка надменного, слегка презирающего людей, слегка сноба, брезгливого к жизни и ее страданиям, слегка гастронома, понимающего толк в хорошей кухне и в хорошем вине, слегка мецената, покровителя искусства, благодушно и бездумно отдающего на несколько минут эмоциям «изящного искусства» и ценящего «изящество» больше, чем подлинную глубину; иногда этот скучающий барин способен и весело рассмеяться — и так весело и здорово, что его смех тотчас же обнаруживает, сколько еще здоровых сил сохраняется в декаденте-снобе, — способен и на шумные буйные веселья и развлечения, вплоть до битья стаканов, так же точно, как способен и на бурные вспышки гнева, когда столы и стулья летят и ломаются от его тяжелой и властной — о, прежде всего, властной, самодержавной, диктаторской руки, не признающей над собой никакого начала, никакого авторитета. Он не прочь порой и пофилософствовать о высоких материях, но вообще слегка презирает всякую «умственность», не очень-то всерьез принимает жизнь и презрением к жизни обуздывает свой темперамент.

Но чем больше смотришь на него, тем явственнее начинают проступать черты настоящего лица: прежде всего видишь около жестко-петровских губ какую-то не то улыбку, не то игру нервов нежности, мягкости и теплоты. Эту полуулыбку — дягилевский «шарм» — замечаешь прежде всего, и она — эта полуулыбка, добрая к другим и как будто говорящая о практической беспомощности и незащитности того, кто умеет так мило детски и нежно девически улыбаться, — покоряет, очаровывает и заставляет всматриваться в лицо и *видеть* его. И тогда начинаешь видеть глаза Дягилева, и читаешь в них святую грусть и святое беспокойство, «взыскание нового града», воспоминание о далекой духовной родине, стремление найти новую родину...

Много нового открываешь в глазах Дягилева — нежность, доброту и неожиданно — сентиментальность...

Сквозь маску и лицо проступает лик Дягилева...

Родовое «дягилевское». — Отец и дед

И в маске и в лице Сергея Павловича Дягилева — первого и последнего, единственного представителя новых Дягилевых, нового рода, им начатого и на нем же прервавшегося, — было много такого типичного, «дягилевского», которое было присуще только одному *Сер-*

гею Павловичу Дягилеву. «Дягилев», «дягилевщина» — эти слова для нас связаны только с одним Дягилевым — Сергеем Павловичем, — одним из тех людей, усилиями которых «наша двинулась земля». Русской истории и нет нужды ни до каких других «Дягилевых», кроме Сергея Павловича Дягилева и его тетки — Анны Павловны (от того, что она приняла фамилию своего мужа, Философова, она не перестала быть Дягилевой), быть может, самой большой русской общественной деятельницы во всем XIX веке.

Но не о Дягилеве, а о «Дягилевых» приходится вспоминать для того, чтобы ответить на вопрос, заданный в 1896 году С. И. Мамонтовым, когда последний встретился с Сереем Дягилевым: «На какой почве вырос этот гриб?»

Прежде всего приходится констатировать в лице С. П. Дягилева общедягилевскую почву, которую летописец дягилевской семьи, Е. В. Панаева-Дягилева, мачеха Сергея Павловича, так определяет: «Мужские, женские, детские, красивые, некрасивые, все они явно принадлежат одному корню, на всех общий родовой отпечаток.

Одна из самых определенных и знаменательных черт этого отпечатка — рот. Начиная с обворожительного и кончая безобразным, — это все видоизменения одного рисунка, с пухлой нижней губой, чувственного характера.

Засим — посадка прекрасных, густых, тяжелых волос всевозможных оттенков, от светло-русого до вороньего крыла включительно, они обрамляют лоб характерными линиями, одинаковыми у всех.

Некоторую странность представляют глаза этой веселой семьи. Есть голубые, карие, черные, зеленоватые, и формы разные, но выражение у большинства — грустное.

Наклонность к полноте, по выходе из юношеского возраста, полноте, несомненно, русского свойства, составляет, тоже в разных степенях, одну из принадлежностей дягилевских фигур. Все это, и масса других мелочей, которых не перечесть, придают им известный *air de famille*¹, бросающийся в глаза. Это не то сходство, которое делает иногда одного брата дубликатом, их никто не принимал друг за друга, но зато каждому из них приходилось неоднократно наткнуться в обществе ли, на железной дороге ли, где хотите, на знакомых кому-нибудь из сестер или братьев, но ему лично совершенно неизвестных людей, которые прямо подходили с вопросом: „Не из Дягилевых ли вы?“

¹ Семейное сходство (фр.).